

ГЛАВА 27. КАТАСТРОФА В ДУКЕ

Каждый однажды пребывает в замешательстве и рассеянности. Это совсем не то, чему следует уделять пристальное внимание. Но для такому тихому и спокойному человеку, как Амон, подобное состояние совсем не было свойственно. Он был магом второго уровня, который мастерски освоил основы магической практики: медитации. Слишком существенным было препятствие для его магической практики: его постоянно беспокоили различные незначительные мысли, отчего не мог он войти в состояние безмятежности, необходимо для сосредоточения на собственном разуме.

И это препятствие было обыкновенным. В мирном расположении духа и в совершенном спокойствии пустые воспоминания, крошечные мысли, однажды потонувшие в сознании, выныривали из глубинного океана подсознания. Маг третьего уровня – тот, кто собирался изучать совершенную магию, требующую непоколебимой безмятежности во время медитации, состояние, которое невозможно нарушить внешней информацией и незначительными мыслями. Испытание произошло, когда дух смягчился во время практики второго уровня и стал достаточно сильным, чтобы сохранить в разуме все пустые детали воспоминаний и мысли. Прохождение данного испытания означало, что он мог оставаться в полном спокойствии, несмотря на сильный дух.

Испытание называлось «подтверждение веры». Но на самом деле оно проверяло, был ли адепт уже достаточно готов для дальнейшего движения по своей тропе. Для мага, верящего в богов, речь шла о вере в бога или богиню, поскольку на этом этапе у каждого происходила путаница, и адепт слишком много размышлял, обращаясь к богу или богине, магии или даже своему учителю. Только когда волшебник восстанавливал веру в своего бога или богиню на магической тропе, он мог снова обрести душевное спокойствие и достичь более глубокого состояния совершенной безмятежности.

Если осознать, в чем заключалось испытание, то в дальнейшем можно узнать ключ к его прохождению. Совсем не обязательно искать мира у богов. В сущности, испытание касалось появления веры в самого себя.

Вычислив это, Амон тяжело вздохнул, вспомнив адептов магии. Чем больше маг предан богу или богине, тем легче ему пройти испытание. Между тем, такой неверующий, как он, может всю жизнь застрять на этом этапе, если он не разберется в принципах, лежащих в его основе.

У Амона осталась прежняя хорошая привычка не думать о проблемах, которые он не мог решить. Он перестал думать о том, как он может пройти испытание или как ему удастся разгадать тайну богов. Он просто старался изо всех сил медитировать, сохранять спокойствие перед лицом всех видов мыслей.

Он попросил Линка и Метатро заниматься магией самостоятельно и беспокоить его только в случае необходимости.

Метатро провел достаточно времени с пещерными людьми. Беспокоясь о своей семье, он должен был вернуться в город Вавилон. До его ухода он пришел к Амону попрощаться с тяжелым огромным мешком. Амон преподавал ему полные указания касательно нескольких искусственных первичных магий и рассказал о следующем испытании. Он позвал Линка и попросил обоих дать клятву.

На этом континенте люди верили в пользу клятв. Клятва, о которой их попросил Амон, была особенной: им следовало хранить тайну, что и чему они обучались у него, и никто не должен

был использовать магию, чтобы предать или причинить ему боль, иначе никогда не будут пройдены такие испытания как «подтверждение веры», «дьявольское искушение» или любое другое.

Клятва была действенной. Амон не был уверен в грядущих испытаниях, но когда он осознал, что представляло собой «подтверждение веры», он узнал, что не следовало проявлять нерешительность или сомнение в своих силах во время его прохождения. И нарушение клятвы оставляло в их сознании изъян, который мешал пройти испытание.

Мешок Метатро был полон слитков, некоторые из которых были произведены из Дамасского железа. Совершенный воин, выполняющий грязную и контрабандистскую работу – вот как он применял телесные искусства. Действительно, подобное невозможно для простых людей.

Амон с любопытством спросил: «Ты не устал? Сколько же они стоят?»

Метатро погладил мешок и ответил: «Несколько дюжин золотых паранов! Несколько слитков Дамасского железа стоят пять паранов.» Он вынул три Дамасских железных слитка и показал их Амону.

Амон вырос среди железных руд и печей. Его жезл был сделан из очищенного железа того же типа, и в Вавилоне именовалось оно Дамасское железо. Метатро хвастался их ценой, а Амон немного удивился, поскольку он считал их менее ценными. Три слитка, извлеченные из глубоких гор, стоили меньше пяти паранов в столице Вавилонского Царства.

Очищенное железо подвергалось строгому контролю в Дуке. Все слитки передавались государству. Кузнецы получали зарплату за свою работу, а не за слитки, ими произведенные. И заработная плата всегда компенсировалась рудами. Так что Амон не знал цену железных слитков.

Метатро аккуратно убрал слитки в мешок после импровизированного шоу и сказал Амону: «Это путешествие было таким значимым для меня. Самое большое преимущество заключается в том, что ты научил меня магии. Ты мой учитель, мой проводник. Я хотел бы называть тебя Богом Амоном, как Линк. Ты должен приехать в город Вавилон, если найдешь время. Ты получишь от меня все самое лучшее. С этими моими любимчиками я сколочу себе состояние.»

Амон ответил: «Я не останусь здесь навсегда и у меня есть план отправиться в Вавилон. Ты можешь взять себе этот драгоценный камень. Занятия магией требуют множества времени и энергии. У тебя, может быть, не будет времени на путешествия целый день за деньгами.»

Амон вынул драгоценный камень и протянул его Метатро. Глаза Метатро расширились, и у Линка отвисла челюсть. Спустя значительный промежуток времени Линк нарушил тишину. «Мой Бог Амон! Ты так щедр!»

Метатро заикался: «Боже мой! Амон, как я могу получить столь драгоценный подарок!»

Это всего лишь драгоценный камень! – подумал Амон. В Дуке за один драгоценный камень можно было купить две бочки лучшего вина. Большое преимущество, если продавец мог дать козу в качестве бонуса. Эти невежды никогда не слышали о Глазе Земли. Если бы они знали, сколько потратили черных драгоценных камней, они бы потеряли сознание от изумления.

«Это не просто подарок. Вы дали клятву и обещали мне почести в городе Вавилоне. Я научил вас магии и надеюсь, что вы сосредоточитесь на занятиях магией. Вы можете содержать вашу семью с этим драгоценным камнем и в течение ближайших месяцев основательно заниматься

магией. Я скоро тебя найду. Ты можешь быть спокоен. – Амон улыбнулся, положив на ладонь Метатро драгоценный камень.

Метатро готов был заплакать, когда он уставился на прозрачный драгоценный камень. Он рассыпался в похвалах и обещаниях. Амон сделал это намеренно. Ни один маг на континенте не работал, чтобы жить. Никто из них не занимался незаконным делом, торгуя тяжелыми железными слитками. Необходима была стабильная и удобная обстановка для занятий магией, иначе Амон ни в каком случае не остался бы с пещерными людьми.

Потребовались месяцы для Метатро блуждать взад и вперед в глубоких горах. Каждый раз он зарабатывал меньше десяти паранов, принимая во внимание траты на перемещение и издержки. Драгоценный камень, который ему дал Амон, мог составить его годовой доход в контрабанде железа.

Метатро ушел с многочисленными благодарностями, умоляя посетить его. Линк и Амон проводили его из поселения. На обратном пути Линк достаивал Амона умоляющим взглядом. Было легко понять, о чем он думал. Он ожидал, что Амон тоже что-нибудь подарит и ему.

Когда они вернулись в племя, Амон рассказал ему историю. «Однажды городской глава попросил мальчика пасти овец. Ему платили две серебряные монетки в месяц. Когда у этого мальчика появились другие дела, городской глава попросил второго мальчика пасти овец, оплачивая ему одну серебряную монетку в месяц. Был ли обязан городской глава второму мальчику платить серебряной монетой, если он начал работу?»

Амон не придумал эту историю. Городским главой был, конечно, Дусти, а вторым мальчиком – он сам. Линк был достаточно умным, чтобы понять, что Амон хотел ему сказать. Он спешно стал объяснять: «Мой дорогой бог. Я ничего у тебя не просил, не говоря уже о драгоценных камнях. Я просто завидую Метатро. Ты научил меня всему, что касается магии, позволил мне завладеть этой божественной силой. Все, что у меня будет – моя благодарность. Ты ничего мне не должен, наоборот, я тебе многим обязан.»

Амон улыбнулся. Он вернулся домой, вынул прекрасную медную бутылку и вручил ее Линку. «Твои люди и ты уважали меня. Я наслаждался вашим присутствием. У меня было много еды и вина. Теперь эту бутылку даю тебе я. Для украшения вам нужна прекрасная посуда. Что касается драгоценных камней, у тебя уже есть один на жезле. Метатро, как колдун, тайно практикующий магию, больше нуждается в драгоценном камне. И у него его нет. Я видел, как он время от времени одалживал твой жезл.

Линк взял у него бутылку. Это была самая изящная вещь, которая когда-либо имелась в их племени. Отец Амона купил ее за пятнадцать серебряных монет. Хотя вино в ней было выпито Шредингера, бутылка сама по себе уже была произведением искусства. Линк держал ее в руках, как младенец, и вернулся домой счастливым.

В последующие дни Амон занимался только медитацией. Зная, что здесь скрывалось испытание, его дух проявил способность спускаться в глубочайшие уголки сознания, вытаскивая различные потонувшие мысли. Сидя в тишине, он обладал способностью вынуть мысли. Оглядываясь в прошлое в глубокой безмятежности, он мог не только воспринимать свои воспоминания и мысли, но даже тело. Это восприятие могло даже проявляться и позволяло ему ощущать внешний мир невероятным образом.

Маги нуждались во взаимодействии с окружающей силой и управлении ей. С более глубоким уровнем безмятежности каждый мог увидеть мир иначе.

Амон случайно вошел в это состояние, медитируя за ночь до осознания. Он пытался усовершенствовать магию, «Глаз Обнаружения», принцип которого он прекрасно понял, когда все в темной ночи отражалось в его уме подобно лунному свету, отраженному в колодце. Он мог различить каждый звук вне дома и заметил даже небольшого жучка, пробирающегося в угол стены.

Это означало, что он прошел испытание. Способность применять по меньшей мере одну совершенную магию уже являлось критерием мага третьего уровня. Хотя Амон не начал изучать Глаз Обнаружения, он счел, что его принципы взаимодействуют с различной элементарной магией обнаружения, которую он мог уже выполнить. Он сумел самостоятельно вывести магический навык.

Амон все еще совершенствовал это умение, которое только что обнаружил, когда внезапно услышал далекие раскаты грома в небе.

Катастрофа наступила в Дуке сразу после ухода Амона. На третий день после ухода Амона произошла в городе смерть первого подростка. Это был сын Маки. Ему было четырнадцать лет, как и Амону. В последующие месяцы последовательно умерло три мальчика. Самому младшему было двенадцать, старшему – пятнадцать.

Шог, жрец и лекарь Дука, ничего не мог сделать, поскольку те мальчишки умерли мгновенно. Изучая тела с помощью целительной магии Шог обнаружил некоторые следы в мышцах и кровеносных сосудах, свидетельствующие о получении сильных ударов, превосходящих их выносливость. Он счел, что это был результат тайной техники Дука.

Техника Дука поначалу казалась слишком простой, но она требовала силу и телесную выносливость, во многом превышающие предел несовершеннолетних мальчиков. Скрытый ущерб накапливался и накапливался, и однажды достигал определенной степени, и становилось слишком поздно. Аристотель объяснил Амону дух и первоначальные намерения оракула - запреты несовершеннолетним детям изучать ремесло. Хотя он не знал, что побочный эффект слишком раннего начала мог быть роковым, он был прав относительно оракула, защищающего жителей.

Но Шог и Дусти не могли наказать те семьи. Мальчики уже мертвы. Не имело значения расследование, получили ли они одобрение от богини. Кроме того, поскольку семьи никогда бы ни в чем не признались, не будет и никаких свидетельств. На самом деле очень много семей так поступали. Каждый знал, что происходит, но никто не имел желание обсуждать это.

Если не найдена причина, нужно вспомнить Амона.

Амон, четырнадцатилетний мальчик, прекрасно освоил ремесло Дука, и успешно извлекал драгоценные камни из руд, и ему удалось завладеть множеством камней, включая тот самый синего цвета, чему даже господин Макроб завидовал. Если Амон смог это сделать, почему их сыновья не могут?

Мальчики из Дука привыкали дуть на мехи и носить руды для отцов. Они тоже были сильными. Амон, казалось, не был самым сильным мальчиком в городе. Он всего лишь был сыном старого пьяницы, что вынудило нести семейное бремя раньше других детей. Они не знали о двух годах обучения Амона в холодном роднике.

Не все мальчики умирали; некоторым улыбалась удача, некоторые попросту не могли

обучиться. Те, которые справлялись с освоением техники, не признавались. Драгоценные камни не могли сказать людям, кто их добыл.

Одна-единственная тонкая грань отделяла невинность от невежественности. Многие даже ожидали, что их дети извлекут особенный драгоценный камень, как Амон. Среди жителей Дука циркулировали слухи, что Амон извлек драгоценный камень под названием «Слеза Богов», уникальный во всем мире.

Господин из столицы объявил, что горняк, извлекший Слезу Богов, получит особенное поощрение от Царства, но тот, кто оставит его себе, будет строго наказан.

Никто из горожан об этом не слышал этого объявления, кроме Безумного Оля, Дусты, Шога и Амона. Они не знали, как выглядел этот драгоценный камень. Предположения распространялись, как лесные пожары, вроде того, что этот камень могли добыть только дети, так как никто его и в прошлых веках, кроме Амона.

Предположение распространилось в Дуке. Люди сплетничали, но никогда открыто его не обсуждали, поскольку это могло привести к серии трагедий.

Оракул из Мурин, покровительницы Дука, существовал только по названию. Люди, казалось, больше уважали свою богиню и жреца Шога. Многие не осмеливались даже на него взглянуть.

Безумный Оль был еще безумнее, чем раньше, он часто размахивал тростью и кричал перед храмом: «Это место Бог ненавидит! Оно будет наказано! Бог жесток! У него нет милосердия! Но люди! Что вы здесь делаете, люди?!»

Никого эта глупость не беспокоила. Горожане попросту его избегали. Дусты и Шог не знали, как с ним иметь дело. В конце концов, он был безумным стариком. А трагедия в Дуке продолжалась, еще двое мальчиков погибли без видимых причин.

Разве не знали горожане, что технику не могут освоить несовершеннолетние дети? Более или менее, они знали. Но поскольку были преуспевшие дети, а не только Амон, трагические потери считались неудачей. Благоразумные семьи будут тщательно заботиться о своих детях и перестанут заставлять их, как только те почувствуют нечто неладное. Но никто из них вообще не отказывался от тренировок.

Как много несовершеннолетних жителей Дука осваивали технику? Все старше десяти лет! Каждая семья так поступала, никто не видел причин так не делать. Со временем вопрос принял некую огласку. Горожане попросту старались не оставлять никаких доказательств или быть пойманными городским главой Дусты или жрецом Шогом.

Катастрофа в Дуке была бесконечной. В городе проживало больше двух тысяч жителей, и с тех пор ремесло передавалось из поколения в поколение в каждой семье, каждый вовлекался в работу.

Наступило лето. Жара в середине лета в этом году была особенно невыносимой. Большинство горожан вынуждены были спать вне дома, во дворе или на площади. Однажды ночью во сне они почувствовали озноб и следы влаги. Проснувшись, с удивлением они обнаружили косой дождь, хлынувший с неба.

Число дождливых дней в году в Дуке можно было по пальцам пересчитать. Лето имело обыкновение быть сухим временем года. Воодушевление вспыхнуло во дворах и на улицах.

Дождь не прекратился и после восхода солнца, он усилился. Капли дождя попадали в шторы, впитывались в сушу. Облака собирались в небе, нависли над Лесом Древесного Угля и пустыней Сиах. Ликующие горожане собрались в Храме Муриин, чтобы принести хвалы богине. Дикое воодушевление было повсюду. Сильный дождь продолжался целый день.

Такой сильный дождь мог промочить неплодородную землю и пустыню. Оазисы могли появиться поле прекращения дождя и накормить больше стад. Такое бывало и раньше, но очень редко. Сильный дождь часто рассматривали как драгоценный подарок от богини.

Казалось, богиня слышала мольбы горожан. Сильный дождь продолжался три дня и как будто не подавал знаков завершения. Некоторые люди начали паниковать, поскольку такое никогда не происходило в истории.

Ручьи и ущелья в Лесу Древесного Угля стали полноводными, нижнюю часть запасного маршрута затопило. Вода стекала с северного плато и затапливала лес и отрезая тропинку к Дуку. Город окружали грязевые лавины, наводненные реки и затопленные джунгли.

Когда горожане начали понимать, что происходило, они слышали раскаты грома в небе. Небо над высокими горами Плато Сиах было пасмурным, и молния прыгала из облака в облако. Никогда еще жители Дука не слышали такого грома. В их сердцах пробудился глубокий страх.

Воодушевление уже утихло. Люди укрывались в протекающих домах, молились своей богине, чтобы дождь прекратился. Но дождь не прекращался. Вместе с приближающимся громом сильный дождь усилился до грозового ливня. Словно небо разорвалось на части, и океан опрокинулся на землю.

Когда начался гром, маг восьмого уровня, Голиер, верховный жрец и оракул Храма Энлиль в Сиахе, стоял на высоких валах. Наблюдая за горизонтом на юго-востоке под низкими темными облаками и бушующей молнией, он пробормотал: «Это то, что ты назвал бедствием, Ницше? Это был по-настоящему! Но почему ты остаешься в Дуке?»